

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ
ДЛЯ АПОСТОЛА

Максим Шахов

Телохранители для апостола

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Телохранители для апостола / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

Бывшему полковнику разведки, а ныне игумену Лонгину становится известно о готовящемся теракте: арабские экстремисты собираются провести атаку на Ватикан, где в скором времени пройдет конференция глав мировых конфессий. Игумен сообщает о планах террористов в Службу внешней разведки, и командир подразделения по борьбе с международным терроризмом полковник Росляков незамедлительно принимает меры. Он поднимает по тревоге всю итальянскую агентуру и приказывает разведчикам не сводить глаз с предполагаемых преступников, а сам вместе со своим лучшим сотрудником Максимом Алексеевым первым же рейсом вылетает в Италию...

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Максим Шахов

Телохранители для апостола

Глава 1

Когда самолет отрывается от земли, у каждого человека свои чувства: кто-то испытывает страх перед возможной катастрофой, кто-то счастье от ощущения полета, а у кого-то захватывает дух от высоты.

Андрей Демичев ничего подобного не чувствовал. Во-первых, он много полетал на всяких типах самолетов и вертолетов, чтобы начать ощущать что-то необычное. Более того, ему и с парашютом приходилось прыгать. Немного, раз пять, а там ощущения острее, чем те, что испытываем в комфортабельном салоне современного лайнера.

Андрея обуревали иные чувства. Сейчас Демичев пребывал в состоянии крайнего раздражения, недовольства собой и вообще миром. Он порвал со своей девушкой!

Не то чтобы это было крушением всей его жизни или какой-то трагедией вселенского масштаба. Нет, просто Демичев считал себя личностью неотразимой, способной кружить девушкам головы одним своим существованием на свете. Ну, или почти так он считал. Но в любом случае крушение идеалов, падение в собственных глазах не могло не отразиться на его эмоциональном состоянии.

И был бы Андрей Демичев простым человеком, имел бы он простую мирную профессию и образ жизни обычного человека, непременно взялся бы за стакан. Опрокинул бы сейчас граммов двести водки и забылся в кресле самолета сном. Но Демичев был майором и служил в подразделении по борьбе с международным терроризмом, которое создали несколько лет назад в недрах российских спецслужб, когда этот международный терроризм стал угрожать нашей стране.

Работать ему приходилось во многих частях земного шара, решать задачи неразрешимые и миссии выполнять невыполнимые. А такая работа не очень жалует людей нервных и впечатлительных... В общем, майор Демичев был просто зол на свою подружку, которая предпочла его другому.

Вчерашний день не предвещал поражения на личном фронте. Андрей решил устроить сюрприз Варваре, своей последней пассии, с которой у него был головокружительный роман вот уже на протяжении полугода.

Сюрпризом являлось уже само неожиданное возвращение Демичева из служебной командировки, которая изначально обещала быть затяжной. Ну а уж эффектное появление с огромным букетом цветов через окно спальни возлюбленной ранним утром должно было стать феерическим шоу для любимой и поразить подружку до глубины ее нежной любящей души.

Проникнуть в подъезд, на двери которого имелся кодовый замок, было для Андрея сущим пустяком. Для оперативника из группы по борьбе с международным терроризмом, да еще «технаря» с огромным опытом да и с соответствующим образованием, это семечки! Таким же смешным препятствием был и замок на двери, ведущей к чердачному помещению. А уж спуститься по веревке прямо к окну любимой, держа в руках огромный букет алых роз, – это... это... Когда Андрей планировал эту свою романтическую выходку, он не смог подобрать нужных слов, чтобы определить, как это будет выглядеть в глазах Варвары. Главное, что она будет удивлена, потрясена, впечатлена, а еще ее накроет мощная волна восторга от поступка возлюбленного.

На деле все оказалось до такой степени прозаическим, что и сейчас Андрей, вспоминая те события, передергивал плечами и покрывался гусиной кожей. Не то чтобы он был до такой

степени впечатлительным человеком. При его профессии излишняя впечатлительность является непозволительной роскошью. Просто такого плевка в душу он не ожидал. Как говорится: «Измена мужчины – это плевков из окна, а измена женщины – это плевков в окно».

Более идиотскую ситуацию было сложно придумать. Плавнo и мягко пружиня ногами, Андрей по всем правилам скалолазания спустился к подоконнику девушки, аккуратно снял рамку с москитной сеткой и... И увидел свою возлюбленную, которая нежно посапывала в объятиях темноволосого красавца с точеным профилем. Это было плевком в окно, таким плевком, что Андрей задохнулся от возмущения. И всего-то он отсутствовал три месяца, но он же обещал, что... что-то он там обещал.

Теперь Андрей совершенно четко вспомнил их разговор, который произошел перед самым отъездом. Да, Варвара совершенно явно намекнула на то, что их отношения зависли, как компьютер и пора их или перезагрузить в новом формате, или заменить процессор. «Процессор» лежал рядом с Варварой, и на его безымянном пальце отчетливо поблескивало обручальное кольцо. Это был уже не плевков в окно, именно перезагрузка. Перезагрузка произошла!

Андрей тут же прокрутил в голове тот последний разговор и вычленил из него основное и важное, чему он тогда не придал значения. Фактически ему был задан четкий вопрос, на который он не дал четкого и конкретного ответа. Одним словом, он не пообещал жениться на девушке и скрылся в одной из своих загадочных командировок на месяцы. Что должна была подумать Варя? Тем более она представления не имела о характере работы Андрея. А такая таинственность тем более должна была зародить в ней подозрения о несерьезности отношения к ней возлюбленного.

И вот она приняла решение. И даже не решение, а, видимо, предложение. И теперь у нее есть муж, теперь у нее все, как у людей. Вот этого Андрей никогда не мог понять. Что значит «как у людей», когда любила-то она его, не могла она любить одновременно двоих. Значит, вышла не по любви, а это уже... какое же это счастье, когда ты мужа не любишь, а просто... уважаешь.

С горечью в душе Андрей спустился с подоконника в комнату, положил свой букет на пол возле кровати и, смотав веревку, ушел. Естественно, через входную дверь. Правда, там ему попала соседка, которая подрабатывала в ТСЖ тем, что мыла подъезд. Естественно, появление незнакомца в четыре часа утра с огромным мотком веревки через плечо не могло не вызвать у нее недоумения. Андрей ограничился приветствием и спустился вниз. Все, Варвара перестала существовать в его жизни. Там остались только обида, непонимание и угрюмое недовольство собой. Вперемешку со стыдом.

Деятельная натура не позволила Андрею сидеть в четырех стенах и предаваться унынию. Для восстановления душевного равновесия ему было необходимо сменить атмосферу. Кардинально! Ему требовалась большая компания для выпивки, новые впечатления.

И когда около девяти утра Андрей шел по улице, то на глаза ему случайно попалось небольшое объявление в окне офиса. Простое, отпечатанное на принтере на листке формата А4. И, только прочитав его и подняв глаза на вывеску фирмы, Андрей понял, что это решение проблемы, это судьба! Конечно, горящий тур – это просто здорово. Это смена обстановки и огромные возможности отомстить. И неважно, что в Италию. Андрей полетел бы сейчас и в Финляндию, и в Марокко, и в Уругвай. Он бы на острова Фиджи отправился. А Италия ничем не хуже и не лучше остальных мест. Затасканная туристическая Мекка. Толпы туристов, занудные гиды, обшарпанные веками камни и фрески. Скукота. Но зато есть еще рестораны, пляжи и можно совершать морские прогулки. А это, как подсказывал богатый опыт Андрея, универсальный способ для того, чтобы окунуться в любовные приключения. Для восстановления душевного равновесия ему было просто необходимо отвлечься. Или увлечься.

Правда, командир долго молчал в трубке телефона, когда Андрей попросил разрешения слетать за границу на курорт. Долго молчал Росляков, прикидывал что-то, а потом разрешил.

Полноценный отпуск, который редко случается у людей в погонах. Особенно у тех, кто постоянно спасает мир.

Мысли об увлечении вернули Андрея к действительности. И он заметил миленькое создание с аккуратным носиком, розовенькими раковинами ушей, которые чуть прикрывали непослушные темно-каштановые волосы, и шейкой с изящным изгибом, которая была наверняка создана для нежных поцелуев.

Затылок и профиль, когда девушка поворачивала голову, Андрей разглядел хорошо, несмотря на то что обладательницу этой хорошенькой головки отделяло от него пять рядов кресел. Наметанный глаз сразу определил, что манеры у девушки отличаются определенной изысканностью, что это манеры не безграмотной модели, которой посчастливилось выйти замуж за крутого бизнесмена.

Андрей совершенно точно определил в этой девушке иностранку. Причем не американку! И одежда на ней из дорогого бутика, и вкус у нее не плебейский, а истиной леди. И, что было уж совсем приятным, а это Андрей определил совершенно точно, летела она одна.

План прост и много раз испытан на практике. Андрей блаженно прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Главное, не торопиться. Самолет садится, он пристраивается к девушке сзади, выбирает удобный момент и попадает на глаза. Способ выбирается экспромтом. Самый удобный – это когда девушка оступится. Тут, главное, успеть подать ей руку первым, а то вокруг столько шустрых типов, что...

Ты ей подаешь руку, деликатно помогаешь подняться, поддерживая под локоток. О, эти локотки! А потом долгий признательный взгляд ее глаз. И его симпатичное лицо запомнилось. Потом уже второй заход и случайная встреча. И все! Ребята, отпуск проходит по высшему разряду.

Мысли о том, что прекрасную незнакомку в аэропорту может встречать мужчина, Андрей пока отгонял. Зачем об этом думать раньше времени. Будет мужчина, будет «отбой тревоги». Тогда придется искать другой вариант, тогда и следует думать, а сейчас... Сейчас она одна в его мечтах о солнце, итальянском небе и ласковых морских волнах.

С этими мыслями Андрей задремал по старой солдатской привычке. Она гласила, что отдыхать надо не тогда, когда устал, а когда есть время. То же касалось еды и других удовольствий жизни. Из состояния дремы Андрея вывел какой-то шум. Точнее, сначала он уловил запах сигаретного дыма, и даже успел удивиться, потому что в самолетах теперь запрещено курить и распивать спиртное. Откуда же запах?

И только когда он услышал шум голосов, в которых слышалось раздражение, он понял, что в салоне что-то происходит. Причем голоса звучали на русском языке. Что всегда раздражало Андрея, когда он в местах, далеких от территории собственной страны, слышал шум, ощущал признаки скандалов и слышал при этом родной язык. Это почти всегда означало, что милые его сердцу соотечественники опять ведут себя за рубежом по-хамски и позорят родину. Самолет в данном случае был уже не территорией России.

Открыв глаза, Андрей с неудовольствием увидел, как впереди какой-то тип лет пятидесяти с заметными проплешинами на голове и жестикуляцией пьяного грузчика спорил со stewardом. Собственно, пьяным он и был. Он размахивал руками, в одной из которых была зажата дымящаяся сигарета. Steward вежливо пытался образумить русского. Андрей вздохнул, покачал головой и снова закрыл глаза. Урод, что с ним сделаешь. Если только из самолета вышвырнуть?

Но спустя несколько минут шум усилился. И Андрей снова открыл глаза. Теперь этот пузатенький и плешивенький тип стоял возле отделения проводников и явно угрожал парню. Руки пьяного русского постоянно дергали stewardа за лацканы пиджака, поднимались над его головой. Андрей услышал и слова дебошира. Тот заявлял, что он депутат, спецназ ГРУ и еще

кто-то. Причем чуть ли не в одном лице. А еще пьяный вещал, что может любого убить двумя пальцами. И явно угрожал это сделать.

Бедный стюард уже был не в состоянии усмирить пьяного. Тем более что тот начал рваться к пилотам, крича, что посадит самолет там, где ему надо. Андрей подумал, что пора в самолетах вводить штатных специалистов по безопасности на каждом рейсе, вооружить их электрошокерами или чем-нибудь подобным. Пусть они во время вот таких скандалов, которых, кстати, что-то стало многовато, вырубали дебоширов и запирали на все время полета в специальных камерах в хвосте самолета.

«Встать морду набить», – лениво подумал Андрей и зевнул. Но вмешаться он не успел. Откуда-то с передних рядов поднялся крепкий мужик лет сорока и решительно подошел к русскому. Слов Андрей не слышал. Он только с удовлетворением отметил, что нашелся в салоне настоящий мужик, который эту мелкую проблему сможет решить.

Но пассажир избрал не тут тактику. Или он оказался не из тех, кто способен решить вопрос с применением грубой силы по причине природной интеллигентности. Через минуту разговора на повышенных тонах и постоянного толкания друг друга руками Андрей заметил резкое движение, и пассажир отпрянул, схватившись за нос. Сразу завизжали женщины, пассажира стали усаживать в кресло, потянулись руки с платками.

Было понятно, что дебошир разбил заступнику нос. Это типичный подлый бандитский удар. Именно бандитский, удар из области уличных драк и барачных потасовок. Да, да, барачных, в смысле лагерных барачков. Это оттуда пришла тактика выведения противника из строя простым радикальным способом – ударом в нос. Боль страшная, кровищи море. И, главное, на всех сторонников твоего противника действует угнетающе, а он сам становится неспособным к активным действиям.

Этот дебошир, видимо, в молодости прошел соответствующую школу. А сейчас у него есть деньги на то, чтобы слетать в Италию. Много таких типов знал Андрей. В том числе и по работе. В девяностые они были рэкетирами, «быками», телохранителями тех, кто «крышевал» зарождающийся бизнес, лотки на базарах, магазинчики. Многие отсидели. А теперь вылезли на белый свет, откупорили заначенные кубышки с награбленным, наворованным, кровавым «баблом». И сразу стали уважаемыми бизнесменами. Правда, хамство из них периодически все равно лезет, как сейчас в самолете.

Демичев подскочил в кресле и ступил в проход. Дебошир двинулся к своему месту, ударив кого-то по голове. Его качнуло, и он почти сел на колени той самой незнакомке, которая так понравилась Андрею. Сейчас могло произойти все что угодно. Истинная леди обязательно скажет хаму, что он хам. А хам потому и хам, что сможет нахамить леди или даже ударить. Этого Демичев ему бы уже не простил. Он многое мог стерпеть, но чтобы его мечту касались грязными руками!

При своей работе Андрей умел быть дисциплинированным, хладнокровным, расчетливым, невозмутимым. Собственно, на работе он таким и был, за что его начальство и ценило. Более того, именно Демичеву приходилось иногда разминировать самодельные бомбы, сталкиваться с обезвреживанием более серьезных взрывных устройств, потому что не всегда и не везде под рукой были технические специалисты и необходимое оборудование. Так что выдержка у него была превосходная. Но в обыденной жизни... В ней Андрей был веселым шепутным парнем, который любил активную жизнь, бесшабашное веселье и терпеть не мог негодяев, мешающих отдыхать ему, а заодно и всем остальным.

Девушка спихнула дебошира с удивительной легкостью с подлокотника своего кресла. Пьяный развернулся к ней всем корпусом, пошатнулся и ухватился за чье-то плечо. Кажется, девушка ему все же сказала что-то обидное и унижительное. Реакция дебошира был предсказуемой. Андрей как вихрь пронесся по проходу между креслами, умудрившись разминуться со стюардом, который нес поднос со стаканами. Дебошира он поймал за руку в тот момент, когда

тот, выпятив челюсть и выкатив свинячьи глазки, ринулся на обидчицу. Сейчас Андрей готов был отомстить и за пассажира с разбитым носом, и за стюарда. А заодно Демичев готов был отомстить и за себя, родимого, за то, что его подружка так цинично его кинула, выйдя замуж за какого-то хмыря. И вообще, пора было навести порядок.

– Слушай, ты! Клоун! – прошипел Андрей в ухо дебоширу. – Ну как, пойдем со мной. Я тебе уши надеру.

После этих слов, которые должны были возмутить и взбесить накачанного алкоголем дебошира, Демичев двинулся вперед, в сторону туалета. По тяжелому дыханию и ворчанию за спиной он чувствовал, что дебошир спешит его догнать. Догонит, обязательно, только в том месте и в тот момент, который выбрал сам Андрей.

Этот момент наступил возле туалета. Демичев мгновенно развернулся к догонявшему его пьяному пассажиру и, пока тот не успел ничего толком понять, задержал шторку, отделявшую отсек от пассажирского салона. Стюард посмотрел вслед Андрею с неудовольствием. Второй стюард, который как раз вытирал разлитую на полу воду, удивленно уставился на дебошира и пассажира с ним. Андрей подмигнул стюарду.

Дебошир сказал нечто угрожающее и с ходу врезал Демичеву в нос кулаком. Точнее, ему так показалось, что он врезал. На самом деле кулак пьяницы попал в стальной захват незнакомца. Рывок на себя, и дебошир впечатался правым глазом в переборку. Еще рывок и он вторично ударился, но уже вторым. Теперь у него останется на память о полете пара наикрасивейших синяков под обоими глазами. Тычок в голову за ухо с одновременным нажатием на нервный узел у локтя, и дебошир, с позеленевшим лицом, стал беспомощно сползать по стене.

– Ammoniasa! – коротко приказал Андрей стюарду достать нашатырь. И для большей убедительности покрутил щепотью под носом.

Побледневший итальянец-стюард закивал и полез в аптечку. Немного возни, в результате которой дебошир пришел наконец в себя, но чувствовал он себя вялым и безвольным. У него была необычная, но неопасная для здоровья слабость, вызванная применением спецприемов. Андрей знал о возможных эффектах и не особенно беспокоился. Они уже около часа в полете, до Рима еще примерно три часа. Ничего, пару часов этот клоун помучается, потом окончательно придет в себя и немного протрезвеет. А там и до полиции недолго. Если не поумнеет.

По настоянию стюардов, которых очень волновало состояние бывшего дебошира, Андрей усадил его в служебное кресло рядом с туалетом. Теперь можно заняться и личной жизнью. Он вышел из-за занавески, отметил массу встревоженных взглядов, среди которых был один очень важный для него. Карие глаза смотрели не столько тревожно, сколько с любопытством.

Демичев встретился взглядом с незнакомкой, как и полагается в таких случаях, чуть склонил голову и сделал шаг вперед.

– Sorry for the inconvenience. You anymore no one's going to bother, miss, – галантно произнес Андрей, попытавшись заодно ненавязчиво выяснить, а не замужем ли дама.

Девушка ответила ослепительной улыбкой и... промолчала. Реакции на обращение «мисс» не последовало, как не последовало и поправки, что дама является «миссис». Топтаться и продолжать попытку завести беседу было глупо и очень по-русски. Делать этого не следовало ни в каком случае. Андрей еще раз улыбнулся девушке и отправился на свое место.

Проклятье, вот это поворот! Она что, английского не знает, итальянка? Так хоть по-итальянски ответила бы. А она... Ладно, стал успокаивать себя Демичев, еще не вечер. Главное, что она улыбнулась мне, запомнила меня. Теперь нужно разрабатывать вторую «нечаянную» встречу. Теперь это главное. И вообще, глупо было надеяться, что она начнет щебетать, предложит ему сесть с ней рядом. Тогда, кстати, она бы сразу же упала в его глаза.

Андрей снова уселся поудобнее и закрыл глаза. Итак, второй раунд. Он должен ее снова встретить и буквально обворожить.

* * *

Городок Андрия на юге Италии издавна славился обилием храмов и большим количеством паломников. Причиной того стали реликвии, хранившиеся в этих священных стенах. Правда, в наше время большую часть паломников сменили туристы, но от этого городская казна ничего не потеряла.

Кажется, в городке ничего не изменилось с начала прошлого, а то и конца позапрошлого века. Двухэтажные милые домики, мягкий свет невысоких фонарей, узкие улицы старинных кварталов.

А туристы с благоговением смотрели на город, на шпили и базилики церквей, щелкали фотоаппаратами. Гиды же с загадочным видом вещали об истории городка, о бесценных реликвиях христианского мира. Они рассказывали о святилище Санта-Марии Чудесной, построенном в XVI веке, – хранилище почитаемой византийской иконы IX века. И перед глазами туристов возникала базилика в трех разных уровнях, которые включают в себя зал с нефом и двумя проходами, с отделкой, изображающей истории из Книги Бытия, три аркады в полихромном мраморе, где, собственно, и хранится византийская икона, и еще одна церковь, посвященная Святому распятию, которая украшена фресками с изображением Страстей Христовых.

Но особой популярностью пользуется Кафедральный собор Успения Божией Матери. И в этот теплый летний день в группе туристов стоял молодой человек непримечательной внешности и в белой бейсболке. Он внимательно слушал рассказы, так же старательно щелкал фотоаппаратом, как другие туристы, и галантно подавал руку дамам, когда группа спускалась по ступеням очередного храма. Правда, он старался подавать левую руку, потому что на его правой кисти не хватало мизинца, а безобразный шрам на его месте свидетельствовал о давнем несчастном случае.

– В 1350 году, – продолжала миловидная женщина-гид, – из-за постигшего этот район землетрясения собор был разрушен и вновь отстроен. В капелле Святого Риккардо, который, по преданию, является духовным покровителем Андрии, хранится шип от тернового венца. Этот венец покрывал голову Христа в момент его распятия. Целиком венец хранится в Париже в соборе Нотр-Дам. Но в XII веке католическая церковь пошла навстречу пожеланиям верующих, и большая часть шипов с венца Христа была отправлена в европейские храмы для поклонения прихожанами. Всего было отправлено семьдесят шипов.

Из-за угла ближайшего здания вышел маленький человек в темных больших очках, которые закрывали половину его лица. Он нашел взглядом молодого человека в белой бейсболке и протиснулся к нему через плотную толпу туристов.

– Ну, нашел? – спросил молодой человек.

– Да, – кивнул невысокий, – он дежурит завтра. Твоя задача, Карло, добросовестно фотографировать внутреннее расположение. Особенно двери, запоры на них.

– Нам нужна схема, – добавил молодой человек. – Без схемы и ночью...

– Схема будет, – заверил второй. – Но она не поможет, если мы не будем знать, как запираются внутренние помещения, какая тут сигнализация.

– Лео, ты боишься сигнализации? – тихо рассмеялся Карло. – А кто у нас прослыл богом или дьяволом, перед которым вся электроника пасует?

– Вот для этого ты мне и нужен, – проворчал Лео и стал снова протискиваться сквозь толпу туристов.

– Нижняя часть фасада была реставрирована в 1844 году, – продолжала свой рассказ гид, – а верхняя только в XIX веке. Колокольня была построена в это же время на руинах лангобардской башни примерно VIII века. Справа от фасада установлен портал разрушенного монастыря. Внутренняя структура собора включает три нефа, трансепт и десять боковых капелл.

Кроме того, в левом рукаве трансепта как раз и расположена капелла Святого Риккардо. Ее сооружение относится уже к XV веку. На арке и пилястрах капеллы можно видеть шестнадцать декоративных панелей и десять барельефов, изображающих чудеса, сотворенные святым...

Молодой человек, названный Карло, добросовестно фотографировал архитектурные элементы и фасады. И никто даже не мог заподозрить, что его больше интересуют вполне современные элементы инженерного характера.

— ...в которой хранятся тернии с венка Иисуса. Из нее можно спуститься в двухнефную крипту. В соборе хранятся ценные произведения искусства, в частности темперная панель XII века. А дальше мы с вами отправимся к святилищу Богоматери Чудес, расположенному на площади Пия X, которое содержит чудодейственный образ «Богоматери с Младенцем», окруженный двенадцатью звездами, символизирующими апостолов...

Южные ночи темны, особенно когда на звездном небе нет луны. Россыпи звезд над холмами древней Апулии любуются сами собой, забывая о грешной земле. Под большим кипарисом в нескольких метрах от шоссе, ведущего в сторону Неаполя, стояла машина с потушенными фарами. Двое мужчин в кабине, опустив стекла, прислушивались к звукам. Редкие машины проносились здесь, выхватывая из темноты светом фар густой кустарник вдоль обочины и аккуратные коридоры виноградников на склоне холма.

— Сколько времени? — спросил по-арабски один из мужчин, который сидел на пассажирском сиденье.

— У них в запасе еще час, — ответил другой, сидевший за рулем. — Говори по-английски.

— Здесь нас никто не слышит, — возразил первый.

— Неважно! В нашем деле следует отучаться от привычного. Надо учиться жить и действовать так, как это диктует обстановка. В этом наше с тобой служение Аллаху. А ты можешь произнести что-то, что нас выдаст в другом месте. А там окажутся лишние уши и глаза.

— Хорошо, я понял, — согласился первый и спросил после паузы: — А ты хорошо знаешь этих типов?

— Довольно хорошо. Карло итальянец, родом из Флоренции. Он отсидел один срок за кражу из музея, но попался тогда из-за неумелого напарника. Случайность. А вообще-то он довольно умелый вор, и на счету у него не одно успешное дело. И я познакомился с ним через перекупщиков раритетов.

— А толстяк?

— Лео Марини я обязан жизнью. Пять лет назад он спас мне ее во Франции, вытащив из полицейского участка. Пока жандармы выясняли мою личность, Лео покопался в щитке и открыл электронный замок камеры. Он гений в этих делах. С Карло они могли бы стать отличной командой.

— Они знают, на кого сегодня работают?

— Знает только Лео, потому что ему точно известно о моей связи с «Черным сентябрем»¹.

— Слышишь? — настороженно спросил первый, подняв руку. — Мотоцикл!

— Да. Наверное, это они. Приготовься. Не забудь, что я должен произнести: «На все воля Аллаха».

В ночи на фоне безмятежного пения цикад возник гулкий, утробный гул. Через несколько минут пучок света мазнул по дороге, по кустам и на каменистый грунт съехал боль-

---

¹ Террористическая организация «Черный сентябрь». Известна также как «Арабский революционный совет», «ФАТХ – Революционный совет», «Группа Абу Нидаля». В 1974 году откололась от Организации освобождения Палестины. Насчитывает несколько сот боевиков, имеет отряды «милиции» в Ливане. Базы расположены в лагерях палестинских беженцев в долине Бекаа (Ливан). Отмечено присутствие в Ираке, Судане и Алжире. Пользуется поддержкой со стороны Ливии (до 1987 года – Сирии, до 2003 года – Ирака). Организатором, идеологом и руководителем группы является легендарный террорист Абу Нидал, погибший при невыясненных обстоятельствах в Багдаде.

шой черный байк с изображением огненной рогатой головы на бензобаке. С заднего сиденья соскочил невысокий человек с сумкой, перекинутой через плечо.

– Ну, вот и мы! – весело сказал он, срывая сумку с плеча. – А ты не верил в меня, Або! Ведь не верил же?

– Ты старый ловкач, Лео, – рассмеялся араб, выбираясь из машины. – Я в тебя верил всегда. И я не поручил бы это дело никому другому. Как все прошло? Как сработал твой напарник?

– О! Карло мастер своего дела, – похлопав слезавшего с мотоцикла молодого человека по плечу, заверил Лео. – С ним можно работать.

– Друзья, давайте к делу, – нетерпеливо покрутил головой молодой итальянец. – В соборе уже паника, и скоро на дорогах может появиться полиция. Мы мотоциклетным мотором половину городка разбудили.

– Конечно, – улыбнулся араб. – Покажите наше сокровище.

Лео расстегнул сумку и извлек из нее стеклянный контейнер. Внутри еще в одной пластовом колпачке лежал трехсантиметровый шип.

– Все как и обещал. Я выкачал воздух, и сейчас внутри почти абсолютный вакуум. Одна из самых почитаемых христианских реликвий теперь в ваших руках. Сколько вы собираетесь запросить за нее у Ватикана?

– Ты многого не понимаешь, Лео, – покачал головой Або. – Вообще не следовало говорить об этом, потому что это не моя личная тайна. Но тебе я скажу. И твоему другу я скажу. Вы оба заслужили такой награды. Я не буду просить выкуп за реликвию у Ватикана, и ни у кого не буду. Я позволю забрать у меня ее. Побегать за мной, а потом забрать. Все должно свершиться, ибо на все воля Аллаха!

Араб сделал шаг назад, и в тишине южной ночи отчетливо прозвучали два хлопка. Гораздо громче ударились о кузов машины стрелянные пистолетные гильзы, выброшенные затвором. В ночном воздухе потянуло кислым запахом сгоревшего пороха. Хлопнула дверка машины, напарник Або вышел и неторопливо приблизился к двум телам. Молодой итальянец лежал, раскинув руки и ноги. Он даже не успел испугаться и теперь смотрел чуть удивленно мертвыми глазами на звезды. Лео еще корчился, захлебываясь кровью, которая хлестала из его рта. Он мял руками простреленную грудь, как будто пытался выдавить оттуда пулю. Помощник Або остановился над телами и медленно поднял пистолет с набалдашником глушителя. Еще один хлопок, и пуля с влажным хрустом пробилась череп Лео прямо за левым ухом. Подойдя к неподвижно лежавшему итальянцу, араб ногой уперся ему в плечо и повернул тело на бок. Еще один хлопок, и он убрал ногу. Карло даже не дернулся, потому что и так был мертв. Но не в правилах профессионального киллера уходить без контрольного выстрела в голову.

– Все, – сказал убийца, – с твоим другом покончено.

– Он не был моим другом, – спокойно ответил Або. – Просто он однажды спас мне жизнь. А жизнь нужна мне для служения Аллаху. И моя жизнь, и его жизнь. Все служат Аллаху, даже те, кто об этом и не подозревает.

Киллер промолчал. Он небрежно бросил на камни пистолет и с прежней неторопливостью сел в машину на пассажирское сиденье. Тихо заурчал мотор, и Або, не включая фар, плавно вывел машину на шоссе. В зарослях трещали цикады, потрескивал остывающий мотор тяжелого мотоцикла, да чуть слышно с бульканьем вытекала кровь из головы Лео Марини.

* * *

Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь – один из самых известных в России. О нем слышали или читали многие. Во все времена история страны не обходила его стороной. Сюда бежали отчаявшиеся и замученные крепостные крестьяне, сюда бежали и разбойники.

Эти стены бомбардировали английские эскадры, от этих стен уходили в плавание рыболовецкие карбасы и первые петровские фрегаты.

Красивые и суровые места. Они как будто пропитаны спокойствием, которое вдохнули в них послушники монастыря, но они пропитаны и болью «беглых» в царские времена, и болью людей из северных лагерей, где в советские времена по большей части содержались политические. Соловки – олицетворение России, сочетание муки и веры, служения отечеству и незаслуженной кары. Территория святой радости и боли.

Как только не называли Соловецкий архипелаг: и Северная Фиваида, и Северный Афон. А всего-то группа островов у входа в Онежский залив, в юго-западной части Белого моря. Белое море, которое в старину называли еще морем Студеным, Гандвиком, пучиной Соловецкой. Шесть месяцев в году Белое море покрывают дрейфующие льды. Но когда наступает лето, то здесь можно сутками любоваться приливами и отливами, играми тюленей и белух. А эти места славятся таинственными миражами.

Холодные, стылые места, которые чаще утомляют пасмурной погодой, нежели радуют солнцем и голубым небом. И тот, кто побывал здесь хоть раз в жизни, тот долго будет помнить красоту этого края: белые ночи над гладью многочисленных озер и зеленью лесов. Не забыть и не менее прекрасную осень Соловков, которая расцвечивает их пестрыми красками. И зиму, которая покрывает острова белоснежным ковром, а деревья – пушистым искрящимся инеем. И ясные морозные ночи под всполохами северного сияния.

Игумен Лонгин всегда радовался возможности приехать на Соловки. Сама природа этих мест действовала благотворно. Она укрепляла дух, питала веру, пропитывала сущность человеческую святым благоговением. И этот приезд, несмотря на всю важность и необычность цели, тоже отчасти радовал. Волнения, которые порождали события в христианском мире, не угнетали, а звали служить Господу и людям, беззаветно отдавать себя.

В таком волнении он приехал сюда, но сейчас оно отпустило, потому что его мысли были заняты предстоящей очень важной встречей. Молодой игумен шел в пустынной части Большого Соловецкого острова. Здесь, в четырех километрах от поселка, среди леса никогда не бывало многолюдно. Только монахи встречались в этом замечательном оазисе под названием Ботанический сад, Хутор Горка или Макарьевская пустынь по имени настоятеля Соловецкого монастыря Макария, которым тут было основано место уединения и построены две кельи и часовня.

Невдалеке показалась одинокая фигура человека, кутающегося в брезентовый рыбацкий плащ, одетый поверх обычного русского ватника. Человек огибал огромные валуны, оскальзываясь на замшелых камнях и влажной траве. И вязаная шапочка, и эта одежда, казавшаяся для этого мужчины непривычной, навели Лонгина на мысль, что это и есть тот самый человек, ради встречи с которым он сюда приехал. Сначала из Смоленска в Москву, а потом из Москвы сюда.

– Здравствуй! – с сильным акцентом произнес человек и протянул руку игумену. – Восток протягивает руку Западу.

– Мы не считаем себя Западом, – ответил Лонгин условной фразой. – Корни наши лежат в древней Византии, а сами мы дети степей и лесов.

– Господь соединит нас!

– Господь соединит нас! – ответил Лонгин. – Вы плохо говорите по-русски. Может, перейдем на английский?

– Я хотел бы предложить присесть где-нибудь, – вместо согласия предложил иностранец уже по-английски, обводя окрестности рукой, – но сидеть на этих камнях мне не хочется. У вас в России очень холодно.

– Россия очень большая, и здесь есть место всему, – улыбнулся Лонгин. – Господь создал тварей разных и всем им нужна своя среда обитания. Здесь место для тюленей и уединения верующего человека.

– Вы странные, христиане. Вас очень трудно заставить сражаться даже за веру. Я затрудняюсь придумать причину, по которой вы взяли бы за оружие и отправились бы восстанавливать справедливость в иную часть света.

– Почему же? Причины в нашей истории не редки. Вспомните Наполеона, Гитлера. Мы пошли и уничтожили зло. Сейчас мы помогаем молитвой, гуманитарной помощью, гражданскими специалистами. Мы просто не любим хвататься за оружие. Кстати, а как мне к вам обращаться? Можете не беспокоиться: раз уж наша встреча произошла, что само по себе огромная тайна, то ваше имя ничего не изменит.

– Называйте меня Махмуд. Махмуд Алани. А вы?

– По сану я игумен Лонгин, а в миру Олег Василичев. Если вам удобнее, то зовите меня Олегом.

– Лонгин? Что-то знакомое?

– Так звали римского солдата, который пронзил копьем распятого на кресте Иисуса. Он не только исцелился, но потом принял веру, стал нести людям ее свет. Это имя я взял, принимая постриг. Я ведь монах, а монахам многое позволено нашими правилами. Поэтому я и встречаюсь с вами от имени моего старого друга и учителя Кирилла.

– Святейшего Патриарха Московского и всея Руси?

– Да. Это же естественно, ведь встречаться лично и публично с представителем организации «Хамас»², которая в большинстве стран мира признана экстремистской...

– Политика! – кивнул Ахмад. – Наверное, вы правы. Значит, вы его доверенный представитель?

– Я его друг, я частное лицо, которое имеет влияние, – поправил Лонгин собеседника. – Но я гарантирую, что все нами здесь оговоренное будет услышано там, в Москве.

– Хорошо, в конце концов, шейх Ахмед Ясин тоже на эту встречу не приехал. Так о чем мы будем говорить?

Поздно ночью игумен Лонгин был уже в Москве. Его доклад выслушивали кроме Святейшего Патриарха Кирилла еще трое его ближайших помощников.

– Таким образом, я убедился, что мой собеседник является действительным представителем шейха Ясина, – докладывал молодой игумен. – Как я и предполагал, не все конфессии сядут за стол переговоров. Но по крайней мере «Хамас» не будет нам врагом. Шейх Ясин в принципе за объединение верующего мира, но он не готов сесть за стол вместе с лидерами иудаизма. Слишком глубокий сейчас конфликт, слишком кровоточит рана. Но он предупредил, что в исламском мире есть лидеры, которые постараются сорвать эту конференцию в Ватикане.

– Это вы уже от себя добавляете, как бывший разведчик? – поинтересовался один из собеседников.

– Пожалуй, – согласился Лонгин. – И я прошу прислушаться к моему опыту, который я приобрел в миру. Нужно очень осторожно готовиться к конференции и до ее начала обмениваться лишь представителями. Как сегодня, например. Кстати, я считаю, что полученной мною информацией нам следует обязательно поделиться со службой внешней разведки. Попытка примирения всего верующего мира может окончиться большой кровью. Лидеры всех религиозных течений и конфессий в одном месте – слишком привлекательная цель для экстремистов.

---

² «Хамас» («Исламское движение сопротивления»). Основано в конце 1987 года как палестинский филиал организации «Братья мусульмане». Точное число членов неизвестно, имеет десятки тысяч сторонников. Пользуется поддержкой палестинской диаспоры, Ирана, отдельных религиозных деятелей в Саудовской Аравии и других арабских странах.

Глава 2

Максим Алексеев наслаждался отпуском. Целых четыре дня он жил такой жизнью, которой не помнил уже лет пять. Лечь в постель, когда хочется, просыпаться и снова засыпать, блаженно потягиваясь под одеялом. Не просто знать, а ощущать, что тебя ни сейчас, ни через минуту никто не разбудит и не прикажет отправляться к черту на кулички. Андрея Демичева командир отпустил даже в Италию по путевке. Это показатель настоящего и грядущего спокойствия.

И Максим валялся в кровати, наслаждаясь тишиной, спокойствием, домашней едой и старыми советскими фильмами с дисков. Особенно фильмами Гайдая. И даже не так плохо, что у родителей, университетских преподавателей, сейчас напряженное время консультаций, зачетов и экзаменов. И им приятно знать, что, вернувшись домой, они застанут там лодыря-сына, который еще даже не убрал за собой постель. И Максиму приятно, что можно вот так бездельничать и лениться.

Но был во всей этой идиллии один неприятный момент. Максиму, щадя пожилых родителей, приходилось постоянно врать им о своей работе. Врать Максим не любил, хотя его работа как раз и предполагала умение врать, изворачиваться. Но на работе это было совсем иное, а с родителями... Ну и пусть думают, что он теперь работает там же, но как бы уже ближе к линии МЧС.

Максим со стаканом молока уселся у окна и задумался. Раньше как-то времени не было об этом подумать, а теперь нашлось. А почему он все-таки согласился перейти в группу по борьбе с международным терроризмом? Надо же в себе разобраться. Наверное, быть оперативником в службе внешней разведки скучно. Даже не так. Там не скучно, а не очень понятно, какую конкретно пользу ты приносишь. Там ты порой и не знаешь истинного уровня проводимой операции, истинной ценности передаваемых тобой сведений.

А вот в группе полковника Рослякова все понятно. Тут конкретное задание, конкретный враг и конкретная беда, которую ты должен предотвратить. Тут ты солдат на передовой, боец. А перед тобой светлая, ясная цель. Теперь понятно? Максим сам себе ответил, что теперь ему понятно.

Мобильник зазвонил, завибрировал на столе и пополз к краю. Алексеев поспешно схватил его и приложил к уху. Звонила мама!

– Максим, ну мы все решили. Папа у себя на кафедре, а я у себя. Два переноса, и мы на неделю раньше освобождаемся. Так что поживем мы на даче всласть, как и мечтали!

– Молодцы, – похвалил Максим. – Тогда я пойду убирать постель.

– Как? Ты только встал? Ну-у, товарищ капитан, ты и избаловался! Вы у меня с отцом на даче будете в шесть вскакивать и по холодку пробежки делать. Потом в ледяную воду нырять!

– Ужас, – вяло поддержал Максим тему. – Пойду умоюсь, а потом в магазин – выбрать мангал.

Мангал они выбирать пошли вместе с отцом. По дороге немного посмеялись над угрозами матери, которая вряд ли будет их поднимать в такую рань. Они-то знают, с каким умилением она смотрит на своих мужиков, когда они спят. Спят спокойно. А как спится на даче!

В результате они купили не мангал, а решетку для барбекю, решив, что насаживать мясо на шампур – это прошлый век. Да еще палец можно наколоть и получить заражение.

Выезд на дачу был назначен на следующее утро. Максим с отцом, правда, считали, что уехать лучше вечером. Можно сразу захватить мяса, сварганить шашлычок на новой решетке. После дневной жары в самый раз шашлычок и пиво. Но все сорвалось именно этим вечером, когда Максим не смог найти подходящего мяса в супермаркете. Он сразу ощутил, что отдых кончился, когда зазвонил его телефон.

– Максим, – резко прозвучал в мобильнике голос Рослякова, – завтра утром как штык! Жду тебя в учебном центре. Дома скажешь... что тебя вызвали и ты уезжаешь. Подробности узнаешь у меня.

Вот и все. Несколько дней передышки, короткая смена обстановки, чтобы остыл мотор. И снова куда-то ехать, потому что опять в большом и беспокойном мире что-то случилось. Посторонний наблюдатель, если он смотрел в лицо Максима Алексеева в момент его разговора с командиром, после того, как он отключил мобильник, не понял бы важности этого звонка. По лицу Максима вообще мало что можно было прочесть даже в самые трудные и опасные моменты его работы. Многие считали его даже флегматиком, пока не познакомились ближе. Просто это была привычка, не показывать эмоций, мыслей. Ну что же, профессию он выбирал сознательно и любил ее. Она была частью его жизни, его долгом перед людьми, перед своей совестью.

Максим всегда, еще с детства, любил делать то, что у него хорошо получалось. Он умел извлекать удовольствие из качественно выполненной работы. То ли в шесть лет ровно отпилить доску под надзором отца, то ли собрать нечто новое из конструктора. То ли позднее с родителями на даче аккуратно выложить из кирпича стену, починить забор. Или уже на этой вот работе. Максиму всегда нравилось что-то делать хорошо, качественно. Иначе и браться не следовало.

* * *

В Риме Андрей Демичев побывал только однажды, и то проездом. Была ночь, пасмурная осенняя погода. Его провезли на такси по окраине, и он ничего не успел рассмотреть через залитые водой стекла автомобиля. Да и не старался, потому что он на тот момент не спал уже двое суток и этот короткий переезд решил использовать хоть для какого-то восстановления сил.

Теперь начало лета, светило солнце, и ему абсолютно нечего делать. И Андрей таскался в группе туристов по городу и с удовольствием осматривал местные достопримечательности.

Перед глазами проходили памятные места старинного города. Арка Константина, базилика Сан-Джованни ин Латерано, базилика Сан-Паоло Фуори ло Мура, потом Санта-Мария Маджоре. Потом дворцы Ватикана, замок Сант-Анджело, вилла Боргезе. И конечно же, Пантеон, Колизей, Римский форум, храмы, соборы, памятники, площади, фонтаны...

Андрей предполагал, что эти поездки по городу быстро ему наскучат, но гид рассказывал интересно. Наверное, подкупал тот энтузиазм, с которым велся рассказ, эмоциональность, в которой Андрей чувствовал какое-то родство. Потом он увлекся и стал представлять, как кипела и текла тут жизнь в те века и эпохи, когда эти сооружения строились, разрушались и снова восстанавливались. Резные паланкины, нарядные стражи у дворцов, величественные сенаторы на площади. И конечно же, гладиаторские бои. И римские легионы, марширующие через... хотя, нет, легионы в город не входили никогда. Побаивались власть имущие, что кто-то из простых военачальников устроит переворот, возьмет власть с помощью меча. Глупо, потому что власть над легионами была у многих. Но одно дело поднять воинов и повести за собой на смерть во славу Рима, а другое – сокрушить сам Рим, его устои. Тут нужно было иное влияние, а его имели не все и не во все века.

Раскаленный от жаркого солнца город постепенно погружался во тьму. Условно, конечно. В таких огромных современных городах даже небо не особенно темнеет от обилия уличного освещения, света рекламных щитов и других световых эффектов. Не зря из космоса такие мегаполисы хорошо видны космонавтам. Поэтому чисто психологически ночная тьма воспринимается как нечто отдаленное, нечто за пределами города, где-то там. А здесь, в городе, ночь – это просто отсутствие солнца и обилие искусственного света. И новый круг жизни. Ночной,

который по динамике не уступает дневному. Деловой Рим, культурный Рим, туристический Рим – все в нем кипело, кружилось, шумело, перемещалось, дышало.

Андрей решил, что спать в такую ночь, особенно в первую ночь в таком городе, просто грех. Когда еще удастся вот так вольготно поспать в чужой столице? Приняв душ, надев свежую рубашку, Демичев причесал свои светлые короткие волосы и решительно покинул гостиничный номер. Он отправился знакомиться с Римом ночным.

И Андрей влился в поток туристов и местных любителей ночной жизни города. На сегодня Римская опера не вдохновила Демичева. На нее он сходит в другой раз. Что там дают на этой неделе? Опера «Риенци» Вагнера, а с двадцать восьмого балет «Сильфида» Левенскольда. Не слышал и не видел, но, судя по всему, это классический репертуар театра. Тем более стоит сходить, но позже. Денька через три. И может, даже с дамой.

То, что за ним следят, Андрей почувствовал на площади Испании. Даже и не предполагая, что за ним кем-то может быть установлена слежка, он все же машинально «проверился». И вскоре в его мозгу словно включилась сигнальная лампочка. Тревога! Эти трое идут за ним, чередуясь и не очень умело перемещаясь с одной стороны улицы на другую. Кто? Зачем?

Это были два главных вопроса, каждый из которых помогал ответить на другой. Узнаешь, кто следит, значит, поймешь зачем. И наоборот. Если тебе станет понятно, почему за тобой следят, то сразу же догадаешься, кому это нужно. Настроение сразу испортилось.

Кому он понадобился? Возможно, его с кем-то перепутали, а такое бывало, потому что, например, компьютер идентифицировал его лицо как принадлежащее иному человеку, находящемуся в розыске. Это могло произойти в аэропорту, где его сняла камера видеонаблюдения, в отеле, в каком-то музее. А возможно, за ним тянулся хвост его прежних дел, профессиональных. Он попал в поле зрения некой преступной организации или спецслужбы, которая его узнала по одной из предыдущих операций. И естественно, его приезд расценили как наличие в Риме группы российских разведчиков. Вот это второе, как ни неприятно сознавать, было наиболее вероятным.

Понурился, Андрей отправился в отель. Отдых испорчен в самом начале! Остается только пойти в ресторан в своем же отеле, выпить и завалиться в номере дрыхнуть. А завтра вообще никуда не ходить. Весь день смотреть телевизор. А потом дожидаться, когда группа отправится на побережье, и уехать с ней валяться на пляже. Может, вообще домой вернуться?

Андрей шел, засунув руки в карманы легких летних брюк, и не обращал внимания на то, что плечами и локтями толкает встречающих прохожих. Темперамент требовал действий, а профессиональные привычки подсказывали, каких именно. И вообще, это унижительно, когда тебя вынуждают против твоей воли делать что-то или не делать что-то. А тебе этого очень хочется!

– Да мать же вашу в Пантеон с Колизеем! – прорычал вполголоса Андрей и свернул в узкую улочку исторического центра. Две дамы, по виду немки, испуганно шарахнулись от него с вытаращенными глазами.

Не поворачивая головы, Демичев шел все в том же темпе посреди улочки. Он слышал шаги за собой, хотя преследователи пытались идти неслышно. Это получалось у них плохо, и они шумели даже больше, чем если бы не пытались скрыть звуки шагов. Ага, вот и нужное место. Улочка сворачивала градусом на двадцать вправо, и какое-то время наблюдатели не будут видеть Андрея. Сейчас бы в подворотню шмыгнуть или в подъезд старого дома. Но в Италии подворотен нет и открытых подъездов тоже. Здесь неглубокие ниши входных дверей, в которых кошку не спрячешь. И обилие припаркованных у тротуара машин. И как только тут можно в такой тесноте проехать-то... Машины!

Андрей резко опустился, почти упал на руки и задвинул свое тело ногами вперед под «Фиат» представительского класса, который боковыми колесами стоял на тротуаре. Европа, тут улицы моют! Тут не изваляешься как поросенок. Андрей лежал и принаравливался, как он

сможет выкатиться из-под машины вбок. Кажется, сможет, только не выкатиться, а выползти. Главное, каким путем пойдут эти трое.

Преследователи, кажется, запаниковали, когда, выйдя из-за угла, не обнаружили «объект». Три пары ног торопливо затопали, а потом послышались возбужденные тихие голоса, выражавшие недоумение. Троица мгновенно разделилась. Один закрутился на месте, пытаясь сообразить, куда делся наблюдаемый, а двое других стали подбегать к входным дверям домов и дергать ручки. И кажется, на этой улочке пока никого посторонних нет. Ну, пошли!

Перемещаясь на руках, Андрей выполз из-под машины. Бросок с низкого старта, и через секунду он достиг первого противника. Наверное, это был старший группы, и его следовало приберечь для душевной беседы. Вряд ли они профессионалы, поэтому беседа вполне может удасться. Кто же они все-таки на самом деле, если не отличаются профессионализмом. Новички из полиции? Грабители, которые решили на него напасть, только целый час не решались этого сделать?

Мужчина лет тридцати пяти, смуглый, с трехдневной щетиной на лице и с фигурой гимнаста, повернулся довольно быстро и не очень испугался. Но Андрей на это и не рассчитывал. В схватках никогда не стоит особенно рассчитывать на испуг противника, потому что противниками майора Демичева уже давно стали люди весьма серьезных профессий. Они в принципе ничего не боятся.

Успели его увидеть двое остальных или не успели, Андрею было уже все равно. Решение принято, атака началась. Теперь пути назад нет и движение только вперед. Главный в этой троице увидел Андрея, когда тот оказался от него уже буквально в шаге.

Андрей расплылся в добродушной улыбке и тут же рывком присел на пятку. В мощном развороте на месте он подсек ноги противника в районе щиколоток, отчего главарь группы наблюдения рухнул на землю как подкошенный. Майор успел догнать падающего мужчину и впечатал кулак ему в челюсть. В ночной тишине было слышно, как затылок человека стукнулся об асфальт.

Получилось все очень удачно, потому что двое других не сразу поняли, что с их шефом что-то произошло. Первым сообразил тот, что был ближе к нему.

– Тони? – позвал он по имени и шагнул с тротуара.

Андрей подскочил как вихрь в тот момент, когда итальянец, как это теперь стало понятно, увидел распростертое тело. И в это время перед его лицом выскочил из-за припаркованной машины здоровенный детина, за которым они только что наблюдали и которого недавно потеряли. Итальянец отпрянул и попытался встать в боевую стойку. Перед его лицом пролетел кулак русского. Итальянец интуитивно выставил руку в блоке и сместил тело для ответного удара, но... Просвистевший кулак был лишь отвлекающим маневром, после которого прямой страшный удар в переносицу свалил парня и отправил в нокаут.

Третий с криками возник за спиной Андрея, но вмешиваться было уже поздно. «Олухи вы», – подумал Демичев и ринулся в атаку. Худосочный отшатнулся на пару шагов и попытался достать Андрея кулаком в скулу. Его рука будто наткнулась на стену, а в грудь молотом ударила нога. С шумом выдохнув, итальянец отлетел на пару метров и упал на спину. Подняться он не успел, потому что перед ним тут же оказался русский. Короткий удар в челюсть сбоку, и голова еще одного человека со стуком соприкоснулась с асфальтом.

Схватив главаря за воротник рубашки, Андрей поволок его прямо по тротуару за угол следующего дома. И только там он рывком поднял вялое тело и поставил на ноги. Мужчина застонал, ударившись разбитым затылком о стену, и замотал головой. Демичев быстро одной рукой обшарил его карманы в поисках оружия. Ничего не найдя, он несколько раз хлестко, но несильно ударил его по щекам правой рукой, удерживая тело левой от падения. Наконец пленник открыл глаза и посмотрел на Андрея.

– Нежный какой, мать... – проворчал Демичев, поднимая голову мужчины за подбородок. – Давай приходи в себя.

– Не трясись... – неожиданно проговорил «итальянец» на чистом русском языке.

– О как! – восхитился Андрей. – Просто день сюрпризов сегодня. Ты еще и русский, пада! Ну-ка, ответь мне на парочку вопросов, если не хочешь, чтобы твой затылок снова ударился об асфальт.

Пленник попытался вырваться, но согнутая в кисти и прижатая пальцами к предплечью рука заставила его вытянуться в струнку, зашипеть от боли и прекратить все вялые попытки освободиться.

– Ты чего? – прокричал Андрей. – Ты не понял, куда вляпался? Слышь, утырок, я задаю вопросы, ты отвечаешь! Если я тебе руку сломаю, то не один доктор не починит. Усек?

– Да тихо ты... – прошипел пленник, – отпусти...

– Во-о! Доходит, – удовлетворенно кивнул Андрей. – Не вздумай кричать и махать конечностями. Вопрос первый: из какой вы конторы?

– Какая, к черту, контора! Какому-то кренделю ты дорожку перешел, вот он тебя и заказал.

– Заказал? – недоуменно уставился Андрей на пленника. – Так вы что, завалить меня должны были?

– Сдался ты... поводить тебя, посмотреть, кто ты и что ты. А потом в тихом углу навтыкать тебе по первое число и позвонить заказчику. Он на такси приедет и все тебе популярно объяснит.

– Еп-понский кукиш! – выругался Андрей и вытаращился на свою жертву. – Это правда? А ты-то кто такой, эти упыри твои, они кто?

– Я... так, эмигрант без особой работы. Живу тут уже лет пять, не получилась у меня жизнь за границей. Вот и держу связь с соотечественниками. Кому помочь, кому посоветовать, кому девочек почище. Такие вот задания тоже...

– А эти?

– Шушера местная, наркоманы. Эти за бабки или за дозу чего хочешь сделают.

– Где можно найти твоего заказчика? – приняв решение, рыкнул Андрей.

– Да где, в твоём отеле он и живет. Вы с ним в одном самолете летели сюда. Сейчас в ресторане, наверное, водяру жрет.

– Как тебя зовут? – спросил Андрей, чуть согнув пленнику руки.

– Ген-надий! – простонал тот.

– Вот что, Геша, ты сейчас пойдешь и покажешь мне твоего заказчика. – Андрей развернул Геннадия к себе боком, подхватил его под локоть и снова взялся за его согнутую кисть. Теперь он мог конвоировать своего пленника одной рукой, не привлекая ничего внимания. – Это на тот случай, если я ошибаюсь. Покажешь и можешь валить на все четыре стороны.

Три квартала они прошли спокойно. Когда рядом оказывалось слишком много людей или проезжала полицейская машина, Андрей чуть сильнее надавливал на согнутую к предплечью кисть Геннадия. Тот сопел, но молчал.

Наконец они подошли к входу в отель. Протолкнув через вращающиеся двери, Андрей потащил Геннадия к стеклянной стене, отделявшей холл отеля от ресторана.

– Ну! Показывай!

– Вон тот, в темных очках лет пятидесяти с реденькими волосами на темени, в цветной рубашке, который ближе к пальме сидит. У окна.

Демичев даже отсюда видел, что за темными очками этот тип скрывает синяки под глазами, которые он лично поставил дебоширу в самолете. Вот так, значит! Мужичок не угомонился, со связями оказался. Решил быдло проучить, чтобы оно на барина руку не поднимало.

– Значит, так, Геша! – тихо, но веско сказал Андрей. – Я тебя сейчас отпущу. Но ты запомни нашу встречу. Хорошенько запомни, потому что вторая может для тебя оказаться последней. Этот мешок с дерьмом не понял, с кем связался, и я ему сейчас объясню. А ты залезь в глубокую-глубокую нору и не высывай оттуда нос, пока я и твой заказчик отсюда не уберемся. Я шутить, равно как и повторять два раза, не люблю. Все, вали отсюда!

Наподдав коленом под зад Геннадию, Андрей нехорошо улыбнулся и вошел в ресторан. По причине позднего времени в зале было много пустующих столиков. Метрдотель проводил Андрея за свободный столик. Усевшись и взяв в руки меню, Демичев еще раз осмотрел зал. Его обидчик ужинал в обществе двух разбитных девах, которые громко щебетали по-итальянски и звонко смеялись. Андрей решил проследить за дебоширом до его номера, а уж там, неожиданно ввалившись, надавать ему по сопатке. Но тут девочки сорвались с кресел, подхватили свои сумочки и стали осыпать русского воздушными поцелуями, ретируясь в сторону выхода. Или у них все уже было, или это не проститутки, решил Андрей, глядя, как плешивый встает и машет девочкам рукой.

И тут на маленькую сцену поднялись музыканты, объявив на сегодня прощальную песню для гостей. То, что они выдали, было, собственно, не песней, а довольно близкой эстрадной импровизацией на тему русской «Калинки». Дебошир вдруг покачнулся в проходе между столами, а потом вышел на пустое пространство и принялся отплясывать, пьяно растопыривая руки и нелепо расставляя ноги. Но ему показалось этого мало. Он вдруг повернулся к соседнему столику и, схватив за руку девушку, потащил ее танцевать. Андрей обомлел: день сурпризов продолжался. Дебошир держал за руку ту самую девушку из самолета, которая так понравилась Демичеву. И опять она попала под руку соотечественнику Андрея. А вот не узнал ее Андрей потому, что она была в темном парике и деловом костюме. На туристку сейчас совсем и не похожа.

Андрея как ветром сдуло с места. Он подскочил, коротко и почти незаметно для окружающих ударил костяшками пальцев по бицепсу правой руки мужчины, которая цепко держала руку незнакомки. Рука дебошира моментально разомкнулась, а девушка отшатнулась, быстро глянув на Андрея.

Нет, таких уроков учить надо сразу и конкретно. Демичев с наслаждением схватил мужчину за отворот пиджака и коротко ударил прямым в бровь. Мужчина отлетел, свалив по пути пару кресел, и грохнулся прямо перед эстрадой. Музыка мгновенно прекратилась, а в зале послышался шум отодвигаемой мебели и гул голосов. К счастью, тело упало в проход между столами и ущерба ресторан не понес.

Выйдя из-за столов, Андрей потряс правой кистью, восстанавливая кровообращение, и встал так, что его ботинки почти уперлись в губы лежавшего человека.

– Слушай ты, – громко сказал Демичев. – Ты ничего в самолете не понял? Я тебе плохо объяснил? Ты, морда полууголовная! Ты жрешь водку, вот и жри ее. А к людям приставать со своими дурацкими выходками я тебе не позволю! Понял?

– Ты кто такой? – спросил пьяный, стараясь вытереть тыльной стороной ладони кровь с лица. – Да ты понял, кого ударил?

– Я тебя, урода, в землю втопчу, – пообещал Андрей. – Ты там каких-то недоносков нанял? С ними я разобрался, теперь твоя очередь...

Мужик вдруг, не вставая с пола, ухватил Андрея за одну ногу и попытался свалить его таким образом. Демичев брезгливо скривился, нагнулся и коротко ударил пьяного в ухо. Потом, отодрав его руки от своих брюк, взял его за воротник пиджака и дважды смачно ударил лицом об пол. При каждом ударе на полу оставалось кровавое пятно.

– Не позорь родину, – приговаривал Андрей, – не позорь!

Когда полицейские вошли в зал ресторана, там уже почти никого из посетителей не было. Андрей даже не заметил, когда и куда ушла прекрасная незнакомка. Почему-то на душе было

гадко. Хотел в ее глазах подняться, заступиться, а тут нашло что-то. Получилась обычная пьяная драка. Двое русских, как всегда, подрались, и оба опозорили родину.

Пришлось признаться самому себе, что этот пьяный урод был только поводом подраться, он нанес оскорбление лично Андрею. И никакие девушки и патриотические чувства тут ни при чем. Расслабился майор, почувствовал себя не на работе, а туристом. Вот и получи.

В машину Демичев сел без всякого сопротивления. Было стыдно за себя, за то, что потерял контроль над собой, поддался эмоциям и устроил не менее безобразный дебош в ресторане, чем тот пьяница в самолете.

* * *

На одной из пыльных дорог Сирии неподалеку от границы с Ираком встретились две группы машин. Неприметные, серые от пыли внедорожники съехали с дороги в пустыню и остановились в полукилометре от шоссе, растянувшись в цепь друг против друга. Несколько человек выскочили из машин, открыли задние дверцы и принялись вытаскивать складные столики, кресла, ящики с напитками и коробки с фруктами. Двое мужчин неторопливо отделились и пошли навстречу друг другу. Оба среднего роста, средних лет, до черноты загорелые под южным солнцем или просто смуглые. Оба в дорожных летних костюмах и черных очках. По паре телохранителей с автоматами следовали настороженно следом.

– Рад приветствовать тебя, дорогой Абу Нидаль! – проговорил один чубастый мужчина с густыми усами.

– И я рад тебя приветствовать, Або, – ответил второй араб, красивый молодой мужчина с высоким, с залысинами, лбом. – Ты слишком насторожен. Чего ты боишься в Сирии, где тебя поддерживают, знают и любят? Волноваться должен я, спокойно я себя чувствую только в Багдаде.

Мужчины уселись в легкие плетеные кресла под установленным для них широким зонтиком и сняли темные очки.

– Хочу предупредить тебя, по старой дружбе, Абу Нидаль. Много слухов ходит по земле, многие превратно истолковывают твоё изречение, что ты злой дух западных спецслужб. Я всегда тебе верил, я всегда считал тебя именно отцом борьбы³.

– Я никому не должен предоставлять отчета, Або, только Аллаху. Мои враги вольны говорить все, что им угодно. Моя борьба – это моя борьба.

– Вот это и отталкивает от тебя товарищей по борьбе под зеленым знаменем пророка.

– Что ты хочешь, Або?

– Я хотел предупредить тебя, Абу Нидаль, что ты не можешь поступить иначе. Призыв один для всех, кто посвятил себе борьбе с неверными, кто хочет единого исламского мира на планете, кто хочет...

– Значит, ты пришел ко мне как чужой эмиссар? Я всегда считал тебя, Або, соратником по борьбе, членом моей организации.

– Те, кто держит знамя пророка, верят тебе, Абу Нидаль, любят тебя, как брата. Ты должен пойти вместе с нами.

– Жаль, Або! – поднялся из кресла Абу Нидаль. – Жаль, что мы раскололись, жаль, что мы идем разными путями. Но у меня свои убеждения. Ты просил приехать, я приехал. Я услышал тебя.

– Что мне передать... хозяину?

---

³ Абу Нидаль переводится с арабского как Отец Борьбы. Палестинский националист и террорист. Настоящее имя Сабри Халиль аль-Банна.

– Вот как? Я полагал, что ты служишь только Аллаху! Что ж, передай, что у меня своя борьба.

Высоко подняв голову, как будто он всматривался в далекие облака, Абу Нидаль пошел к машине. Або, не вставая, смотрел ему в спину. И было непонятно, что выражают его глаза. Спустя несколько минут, когда Абу Нидаль уехал, Або, наконец, вытащил аппарат спутниковой связи и сказал только одну короткую фразу:

– Он отказался...

Столик, кресла и полосатый большой пляжный зонт так и остались посреди сирийской пустыни. Машины разделились. И только черный пыльный внедорожник Або мчался по шоссе в сторону старинного города Дейр-эз-Зор на берегу мутного Евфрата. Проехав соляные копи, машина остановилась возле небольшого кемпинга у остатков старых казарм, которые напоминали о французской оккупации в двадцатых годах прошлого века.

Выйдя из машины, Або снял пиджак и бросил его в кабину. Небрежно содрал с лица приклеенные усы и вытер губу платком. Взбежав по ступеням под большой навес, где под потолком вяло крутились лопасти большого вентилятора, он опустился в кресло и ослабил узел галстука. Смуглый юноша в фартуке принял заказ и убежал за стойку. Або откинулся на спинку кресла и стал смотреть на воду древней реки.

На столе уже дымился кофе, а Або все смотрел куда-то вдаль. Из состояния глубокой задумчивости его вывел звук мотора подъехавшего автомобиля. Открылась дверь, и на землю спустился грузный человек в темных очках и национальном арабском одеянии: длинный белый дишдаш, на голове большой платок с рисунком в ромбик – кюйфия.

– Закхей! – Або вскочил на ноги, и они обнялись с сирийцем. – Рад тебя видеть.

– Ты выглядишь усталым, – покачал головой сириец, – но я знаю, что Аллах отблагодарит тебя за твои труды. Придет день, и мы сокрушим христианский мир, мир неверных с их ложной религией.

– Он придет очень скоро, уважаемый Закхей. Ты принес мне долгожданную весть?

– Да, мы с тобой, дорогой друг. Руководство «Партии Аллаха»⁴ приняло решение участвовать в подготовке этой акции. Это мудро – одним ударом обезглавить все христианские конфессии, а заодно подать урок мусульманам, которые предают священные заветы пророка Мухаммеда. Есть сведения о том, когда состоится эта конференция в Ватикане?

– Пока нет, идет подготовка, консультации. Возможно, что они что-то почувствовали, а может, это элементарные меры предосторожности. По крайней мере, папская жандармерия в Ватикане переведена на усиленный режим службы.

– Это плохо! Если подключатся спецслужбы ведущих мировых держав, то все наши планы нарушатся. И будут большие потери!

– Но не напрасные жертвы! – горячо воскликнул Або. – Это наша борьба, наше служение Аллаху, строительство нового мира. Ни одна борьба не обходится без жертв, но это священная война, и все погибшие на ней...

– Да-да, конечно, – с улыбкой перебил собеседника сириец. – Мы не остановимся ни перед чем.

* * *

Спектакль в Венской опере сегодня закончился позже обычного. После окончания зрители долго не отпускали Герхарда Шеперда, молодого оперного тенора. Сегодня был его дебют,

---

⁴ «Партия Аллаха» – так переводится название радикальной шиитской группировки Хизбаллах. Она же Организация исламского правосудия «Последователи пророка Мухаммеда». Создана в Ливане в 1982 году. Штаб-квартира находится в Ливане. Пользуется поддержкой Ирана и Сирии. Имеет ячейки во многих странах мира.

и сегодня же молодому вокалисту исполнялось тридцать лет. Под требовательные овации зрителей артисту пришлось исполнить еще несколько арий из известных оперных произведений.

Два человека в зале вели себя менее восторженно, но старались не подавать вида, что чем-то недовольны. Наверное, они бы покинули свои места в партере, если бы это могло быть незаметным для других людей. Все-таки вот так откровенно высказывать свое отношение не стоило.

Наконец действие закончилось. Зрители, шумя и переговариваясь, потянулись к выходам из зала. Двое мужчин в строгих деловых костюмах были даже чем-то похожи. Один, говоривший на хорошем немецком и с властными нотками в голосе, был высок, имел длинное холерное лицо и высокий лоб с залысинами. Его спутник, коренастый крепыш с круглым лицом и капризными складками вокруг губ, был более эмоционален, он часто вздыхал и сокрушенно качал головой.

Выйдя из оперы, оба мужчины сели в поджидавший их лимузин представительского класса. Гостем в Вене был папский нунций, то есть официальный посланник Ватикана в Австрии кардинал Франческо Поттоли. А его спутник – Томас Боулдерд, приехавший из Лондона специально для обсуждения ряда вопросов, которые возникли в результате расхождения во взглядах между католической церковью и протестантством в Европе. Томас Боулдерд слыл активным деятелем истинной веры. Но цель его встречи с представителем Ватикана была иной. Она касалась возможной конфронтации.

– И все-таки я предлагаю вам подумать и принять правильное решение, – продолжил итальянец их сегодняшний разговор, который начался еще задолго до спектакля в Опере. – Все верующие всего мира должны сплотиться вокруг престола Божьего перед грядущей угрозой. Кто, как не лидеры церкви, должны взять на себя миссию примирения народов.

– Я не вижу в ваших словах ничего, что противоречило бы доктрине любой конфессии, – согласился англичанин. – Но меня, мягко говоря, смущает тот факт, что католическая церковь считает себя тем самым Божиим престолом, единственной истинной церковью, тем самым отодвигая всех остальных верующих от света Божьего. Почему именно папа считает себя средоточием сострадания и источником спасения мира?

– Ну, почему вы снова все сводите к какой-то разделительной полосе? – мягко стал возражать итальянец. – Почему между нами межа, почему вас беспокоят те вещи, которые не имеют отношения к высокой цели. Никто же не мешал протестантскому движению инициировать этот вопрос, эту идею.

– Вот видите, вы опять высказались весьма однозначно. Вы считаете нас движением, вы считаете протестантов отщепенцами, а себя истинно верующими и последователями Христа, апостолами. Это кощунственно, это ересь.

– Ну что вы, – запротестовал итальянец, – мы считаем, что перед Богом все равны. И мы считаем, что в этом спасение человечества. Мы ни на что не претендуем, и католическая церковь доказала это своими святыми деяниями. Мы давно уже стоим на позициях примирения с другими конфессиями, терпимости к сторонникам иной веры.

– Напрасно, все это напрасно. Само создание теократического государства делает вашу веру символом, возвеличивает ее. А ведь мы все верим в единого Бога, в Создателя. Так почему же храмы Ватикана главенствуют в христианстве? Да потому, что вы проповедуете извращенную форму веры. Вы проповедуете спасение как последствие праведных деяний. Для вас неважно, кем человек был раньше, для вас важно, что он пришел в храм, уверовал и получил надежду на спасение. Вы поэтому и индульгенции продавали. И в некотором смысле продолжаете делать это и сейчас.

– Ну, зачем же вы прибегаете к примерам из отдаленного Средневековья. Вы же хорошо знаете, что католическая церковь с тех пор сильно изменилась. Но если вы затронули этот

момент, то могу сказать, что мы даем надежду верующим, мы подталкиваем их к благим деяниям, а вы? Вы уповаете только на веру, дабы спасен будет лишь верующий.

– Да, это наш основной постулат, и он не дает лазеек в рай тем, кто вдруг решил искупить черные дела богатым подношением храму. Да, протестанты считают всех равными перед Богом именно в своей вере, а вы этому мешаете. Ведь мы, а не вы, ратуем за то, чтобы распространение Священного Писания происходило по всей земле на родных языках тех, кому оно предназначено.

– Но и мы ведь сейчас призываем к объединению верующего мира, мы собираем их под знамя Христа, чтобы остановить терроризм, конфронтацию, мы призываем всех верующих, независимо от принадлежности к той или иной церкви, сообща остановить войну. Разве не так?

– Так, – согласился англичанин, – только вы опять выбираете для этого Рим, вы его считаете центром мира.

– Господи, – сложив молитвенно руки, застонал в отчаянии итальянец, – да ведь там безопаснее! Там папская жандармерия, там итальянские карабинеры...

Глава 3

Крупный мужчина с короткими седыми волосами тяжело поднялся из-за стола и пошел навстречу кардиналу Аланцо. Они были знакомы очень давно, более пятидесяти лет. Худощавый, с болезненно желтым лицом, кардинал тем не менее крепко пожал руку.

Они познакомились во время круиза, который организовало итальянское правительство для лучших выпускников высших учебных заведений, готовивших специалистов в основном для государственных нужд. Там и познакомились Марио Аланцо – будущий дипломат, и Камилло Чибин, уже получивший чин лейтенанта в департаменте контрразведки SISMI⁵.

Долгие годы они не теряли друг друга из вида, а потом оба как-то пропали из поля зрения. Но каждый знал об успехах другого. А потом они встретились на службе в Ватикане. Сейчас их объединяло одно – оба служили в «Дирекции спецслужб и безопасности граждан». Только Чибин теперь возглавлял Управление безопасности в Жандармском корпусе, а Аланцо заведовал там же внешними связями. И по старой привычке они были на «ты», называя друг друга по именам.

– Ты слышал о деле Марко Манчини? – вместо приветствия спросил кардинал.

– Увы, да, – провожая старого друга к дивану, что стоял в углу кабинета, кивнул Чибин. – Его подозревают в связи с ЦРУ. Подозрения настолько сильны, что Прокуратура однозначно вынесла свой вердикт об аресте. И очень печально, что в нынешних условиях речь идет о главе департамента контрразведки и борьбы с терроризмом.

– Собственно, об этом, Камилло, я и хотел с тобой поговорить.

– Ты боишься, – усмехнулся Чибин, садясь напротив кардинала, и все его лицо пошло глубокими морщинами.

– А ты нет? Что поставлено на кон?

– А ты согласишься, что идея хороша, Марио. Религия – это довольно мощная сила общественного сознания, я бы сказал, что и на государственном уровне она довольно влиятельная сила. Это факт! И решение, которое вынесет Конференция глав конфессий в Ватикане, будет иметь далеко идущие последствия. Ведь Престол хочет собрать и христиан, и иудеев, и мусульман. Мы оторвем террористов от имамов, они потеряют почву под ногами. Главное – примирить людей, а дальше это станет хорошей тенденцией во всем мире.

– Ты по-прежнему идеалист, – грустно сказал кардинал.

– Я по-прежнему профессионал. Ты не забыл, что я пережил три покушения на папу? Что моя работа – быть в курсе дел экстремистов, насколько это касается Ватикана?

– Ты еще скажи, что это твоя идея?

– Нет, не моя, – с сожалением сказал Чибин. – Да и стар я уже для всего этого. Боюсь, что скоро ты будешь иметь дело с моим преемником.

– И кто же это?

– Ты его знаешь, это Доминико Джани.

– Джани? Ну, не самый худший выбор.

– Ты о нем такого плохого мнения, Марио?

– На твоём месте нужен хороший профессионал, Камилло, такой, как ты. Человек стратегического мышления. А Джани администратор, он превосходный менеджер. Я знаю, что он работал и в Секретариате, и в Пожарной безопасности.

– Вот именно, что он превосходный менеджер. Это главное! Пусть распоряжается как менеджер, а в помощь я ему оставляю неплохие кадры, неплохих заместителей, которые помогут ему. Увы, наступают такие времена, Марио, что и в Ватикане надо быть менеджером, а не

---

⁵ Военная разведка Италии.

адептом католической веры. Я подготовил ему неплохую силу в виде Особого отдела. Ведь помимо того, что папу нужно охранять во время его поездок по миру, нам нужно еще и знать, от кого его охранять.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же дипломат, понимаешь, что за каждым фактором мировой политики стоят экономические рычаги. И ими двигают конкретные люди. У них свои слабости, свои сильные стороны, достоинства и недостатки, просто отличительные черты характера. А ведь именно характер влияет на поступки, на принятие тех или иных решений, создает образ политика, функционера.

– Ты создаешь разведку Святого Престола?

– Ну-ну! – рассмеялся Чибин. – Я не протолкнул бы эту идею. Все, что я могу, – это подобрать людей, которые в состоянии выполнить серьезное и сложное задание за пределами Ватикана. Ты ведь наверняка понимаешь, что, скажем, противостоять покушению практически невозможно. В том смысле, что невозможно помешать киллеру сделать выстрел или нажать на контакт передатчика. Тысячи мест на пути, где может укрыться снайпер, тысячи мест, где можно заложить взрывное устройство.

– И тем не менее?

– И тем не менее охранять руководство нужно, и предотвращать покушения надо. И над этой проблемой бытуют все службы безопасности во всем мире. Не можешь дотянуться до снайпера, дотянись до заказчика. Выйди на эти круги, вычисли человека или группировку, кому это выгодно, кто готов совершить эту акцию. Вот тут и начинается главная работа с агентами влияния, вербовка агентуры, извини, устранение нежелательных лиц. То есть предотвращение покушения не на стадии поиска снайпера, а на стадии подготовки решения о найме снайпера, на стадии принятия решения о покушении.

– Ну что же, это тоже методы работы. Ты знаешь, что вернулись двое папских легатов, которые успешно завершили свои миссии. Подготовка к конференции идет полным ходом. И пока, кажется, без осложнений. Но я дипломат, я не особенно ободряюсь лишь видимостью безмятежного спокойствия. Ты знаешь, что во Франции погиб епископ Флоренцо?

– Да, – кивнул Чибин. – Я даже знаю, что там произошло. Это противодействие.

– Убийство?

– Да, убийство.

– Вот так, – в глубокой задумчивости проговорил кардинал. – Значит, события перешли в другую фазу. Грань перейдена.

– Ничего, мы будем работать, – заверил Чибин и похлопал старого товарища по руке. – Есть и у меня сильные фигуры на доске.

– Я помню, ты знакомил меня с капитаном Капечелатро?

– Достойный офицер, – улыбнулся Чибин. – Хорошая оперативная хватка, видение перспективы, большой опыт работы в системе уголовного правосудия Итальянской Республики.

* * *

Полковник Росляков очень торопился. Если бы сейчас его спросили, из чего состоит его служба, он бы сквозь зубы ответил, что из борьбы за последние секунды, из катастрофических опозданий и действий в последний момент, когда надо и решение принять, и план действия придумать, и подчиненных сориентировать. Иными словами, полковник Росляков был сейчас, как никогда, зол и собран.

Серый «Ауди» Рослякова несся по шоссе, обходя иногда попутный транспорт по правой обочине. Это было очень опасно, потому что из-за разности сцепления колес с поверхностью машину могло сбросить с дороги в кювет. А скорость Росляков держал постоянно больше

восемидесяти километров в час. Он бы держал и двести, но чем ближе к Москве, тем более загружены трассы. МКАД, как он слышал по радио, стоит намертво. Посмотрев на навигатор и передвинув картинку пальцем по интерактивному дисплею, проверил второй вариант. Если через несколько километров уйти на развязку вправо, то он может сократить путь, уйдя на Третье транспортное кольцо. А там машин на порядок меньше.

Возле Кольцово скорость пришлось сбросить. Росляков стиснул зубы, но проехал населенный пункт со скоростью шестьдесят километров в час. Он понимал, что дети на велосипедах, припаркованные в самых неудобных местах фуры дальнбойщиков, даже коровы – все это непредсказуемые факторы. А ему еще не хватало аварии, в которой он был бы виноват.

Наконец дорожный знак известил, что населенный пункт закончился, а с ним и городской режим движения. Росляков нажал было на педаль акселератора, но две фуры перед ним продолжали плестись все с той же черепашной скоростью. Выругавшись самыми черными словами, Михаил Васильевич чуть сдвинулся к разделительной полосе и стал поглядывать вперед. Навстречу несли сплошной поток машин, и было трудно выбрать момент, чтобы обогнать фуры.

Так прошло минут пятнадцать. Наконец встречный поток стал редеть, и Росляков немного отстал от грузовиков, собираясь вывернуть руль и уйти вперед. Но в этот момент шустрый «Опель», который тащился сзади, вдруг неправильно понял маневр Рослякова и рванул вперед. Пришлось сбросить скорость и пропустить машину. Тем более что навстречу снова повалили лихачи, и «Опелю» пришлось юркнуть под прикрытие «КамАЗов». Росляков чуть было не воткнулся в задний бампер чужой машины и еле удержался, чтобы, выражая недовольство, не надавить на сигнал.

Михаил Васильевич в который уже раз поймал себя на мысли, что во время операций, сложнейших и опаснейших комбинаций за рубежом, когда ежеминутно рискуешь жизнью, он никогда не психовал, всегда умудрялся сохранять спокойствие и рассудительность. А в быту, в мирной жизни почему-то нервничал. Организм, что ли, сам собой расслабляется?

Наконец на встречной полосе обнаружился большой участок, который позволил бы обогнать фуры и снова прибавить скорость до предела. Более того, здесь участок дороги был шире, что в принципе позволяло ехать машинам в четыре ряда. Росляков включил поворотник, сместился к середине дороги и рванул вперед. И в этот же момент из встречного потока вывернул здоровенный черный внедорожник. Две секунды машины неслись лоб в лоб. Росляков успел оценить ситуацию и понять, что встречная машина не собирается сворачивать и предполагает свое преимущество. Конечно, при таком весе!

Нога сама ударила по педали тормоза, рывок руля вправо, и внедорожник с гулом пронесся мимо, чиркнув по левому наружному зеркалу «Ауди». Но тут водитель «Опеля» почему-то тоже решил броситься на обгон, хотя не мог не видеть машины сзади себя. Полосы асфальта не хватило, чтобы увернуться. Правый передний бампер машины с хрустом врезался в «Опель», иномарку занесло, и она развернулась на триста шестьдесят градусов. Росляков еле удержал свою машину на проезжей части, бешено крутя рулем и работая педалями. Наконец фуры ушли вперед, а Михаил Васильевич остался сидеть в тишине кабины.

Из «Опеля» никто не выходил, и это было странно. Удар был не настолько силен, чтобы навредить водителю. Да там даже подушка безопасности не сработала. И бампер вон у него цел. Ободрал только немного. Ущерб тысяч на шесть-семь.

Однако стоило побеспокоиться, и Росляков решительно выскочил из машины. В «Опеле», закрыв лицо руками, сидела блондинка с коротко стриженными волосами. Росляков открыл дверцу.

– Как вы? В порядке?

– Я... да, наверное, – тихо проговорила девушка. – Ужас какой-то... Что случилось? Я не поняла.

– Увы, не поняли вы немного раньше, когда, пойдя на обгон, не посмотрели в зеркало заднего вида. Я-то был уже на встречной полосе, шел на обгон, а вы мне прямо под капот нырнули.

– Это я во всем виновата? – спросила девушка, и от запоздалого страха ее глаза стали наполняться ужасом и слезами.

– Нет, если бы дело было только в вашем маневре, я бы успел. Дурак нам в лоб выскочил. Скотина!

– И что теперь делать? Мы же не в городе?

– Ничего не делать, – проворчал Росляков. – Я сейчас вызову ГИБДД, а потом будем ждать... Век бы этого урода не видеть!

Росляков машинально с остервенением посмотрел на наручные часы. Ситуация становилась безвыходной. Но девушка неожиданно выручила его. Выйдя из машины и потоптавшись вокруг своего «Опеля», она оценила ситуацию, как некритическую.

– Подождите, – сказала она, подходя к Рослякову, – а вы как свои повреждения расцениваете?

– Мне вообще на них плевать, – проворчал Михаил Васильевич, – я в таком цейтноте! Мне что полицию ждать, что пулю в висок – все едино.

– Но у нас же ничего страшного, – начала мяться девушка. – Может, без канители обойдемся. А то этих ждать, потом по страховым компаниям бегать, справки собирать, а?

– Покраска элемента стоит пять тысяч, – сказал Росляков, глядя на «Опель». – Добавлю вам еще три на шпатлевку, если вдруг понадобится. Идет? Если согласны, то...

Белая «Шкода» с синей надписью ДПС и проблесковым маячками на крыше подлетела и затормозила, взвизгнув резиной. Росляков вздохнул и убрал бумажник.

– Что случилось? – с готовностью выскочил из машины старший лейтенант с объемистым животом и двойным подбородком. – Догнались?

– Слушайте, – вежливо начал Росляков, – повреждения незначительные, мы уже договорились о взаимных претензиях и можем обойтись без ваших коллег.

– Ну-ка, документики ваши!

По лицу полицейского, а особенно его напарника, который тоже вышел из машины, было понятно, что добром дело не кончится. Взгляд у молодых офицеров стал алчным.

– Так, – просматривая водительское удостоверение и регистрационную карточку Рослякова, многозначительно сказал старший лейтенант, – он вам, девушка, угрожал, пальцы пушил веером, «быковал»?

– Что-что, а это как? – не поняла блондинка. – Ничего не было. Вполне интеллигентный мужчина.

– Это вы такая храбрая? – засмеялся второй полицейский с двумя звездочками на мятых грязных погонах. – Остались вдвоем с неизвестным мужчиной на дороге, он вам машину повредил, свидетелей нет. Обычно дело для таких девушек, как вы, кончается неприятностями, а то и бедой.

– По-моему, вы хамите, – голосом со стальными нотками сказал Росляков. – Не зная человека, не имея приговора суда, вы навешиваете на него ярлыки, делаете виновным. Не по правилам!

– Во-от, начинается, – недобро ухмыльнулся старший лейтенант. – Я же сразу сказал, в чем тут дело. Ты чего, мужик, проблем захотел.

Рука с документами Рослякова повисла в воздухе на половине пути в нагрудный карман полицейского. Росляков глубоко вздохнул, шумно выдохнул и молча отошел к обочине, доставая мобильный телефон. Он еще слышал, как полицейские начали обрабатывать девушку, запугивая ее всевозможными последствиями, тем, что этот тип, возможно, находится в розыске

за убийство и изнасилование. И что они, конечно, могут уехать и оставить ее до приезда специальной группы, которая и будет фиксировать аварию. Девушка явно начала пугаться.

– Ало, Иванов! – Росляков услышал знакомый голос помощника генерала. – Передай шефу, что у меня ЧП. Авария в десяти километрах от Кольцово, между деревней и МКАД. Ситуация такова, что бросить машину и приехать я не могу. Буду на связи.

– Все понял, товарищ полковник, – раздался взволнованный голос лейтенанта Иванова в трубке. – Я немедленно доложу. Генерал и так весь на нервах, тут... ладно, бегу докладывать!

Теперь можно было не спешить. Все, что от него зависело, Росляков сделал. Сейчас надо как-то разобраться с этими двумя, да еще постараться, чтобы девушке ничего не угрожало. Вот принесла их нелегкая! Можно было, конечно, достать свое служебное удостоверение и, предъявив его, потребовать отпустить его. Но что-то подсказывало Рослякову, что этого делать сейчас не стоит.

В столице уже не первый год то поднимается, то спадает волна борьбы с поддельными удостоверениями силовых структур. Во время поголовных проверок выясняется, что чуть ли не у половины водителей в кармане красная книжечка старших и высших офицеров органов внутренних дел, Прокуратуры, ФСБ, ФСО, каких-то неведомых специальных отделов, управлений и подразделений этих структур, неизвестных учебных заведений и тому подобное. В данной ситуации предъявление своего удостоверения вполне могло закончиться тем, что полицейские его заберут как подозрительное. И тогда придется либо отнимать его силой, либо светиться в дежурной части ГИБДД, ждать представителя из своего Управления или звонка туда из дежурной части. За такое раскритикование своей «конторы» и своего лица по головке не погладят. Не раз ведь предупреждали, что предъявлять удостоверение рекомендуется в исключительных случаях, когда существует угроза жизни и здоровью граждан, угроза срыва важнейшей операции. И разумеется, предъявлять его следует при входе в Управление дежурному.

– Так, товарищи, – вернулся Росляков к полицейским, – какие у вас есть предложения?

– Чего? – заржали полицейские, смерив Рослякова взглядами. – Не срелось? Не получился звоночек?

– А я звонил только на работу сообщить, что задерживаюсь, – пожал Росляков плечами. Старший лейтенант стал вдруг серьезным.

– Где вы работаете? – с какой-то безразличностью спросил он. – Не предприниматель?

– Нет, – спокойно ответил Михаил Васильевич под грустным и беспомощным взглядом блондинки, – госслужба. Управление по борьбе с тараканами и другой неприятной живностью.

– Да ты чего? – оскалился старший лейтенант. – Шутим, значит. Ну что же, гражданин, придется подышать в приборчик. Сдается мне, у вас рефлексy нарушены, лицо имеет красноватый оттенок. И покачивает вас слегка. Налицо все признаки алкогольного опьянения.

Дальнейшая перепалка заняла минут двадцать. Полицейские крутились вокруг да около, стараясь навести водителей на мысль, что нужно предложить деньги. Сами вслух они боялись делать это первыми. Очевидно, опасались записи на диктофон. Девушка оказалась неглупой и тоже в открытую денег не предлагала. Она только вопрошающе смотрела на Рослякова.

И в самый разгар этой бессмысленной и бесполовой торговли раздался приближающийся звук вертолета.

Росляков поднял голову. Легкий «АНСАТ» с надписью «Центроспас» на борту и желтыми и синей полосами вышел из-за леса и направился вдоль шоссе, чуть опустив нос. Девушка и полицейские, как по команде, задрали головы и уставились на машину, идущую на бреющем полете. Как-то сразу стало понятно, что пилоты кого-то или что-то ищут. Над тремя машинами и группой людей около них вертолет сделал два круга, как будто присматриваясь, а потом решительно развернулся и пошел вниз. Взметая винтами пыль с обочин шоссе, «АНСАТ» стал опускаться прямо на дорогу метрах в десяти.

Летчик не выключил двигатель, и винты продолжали свистеть на холостом ходу. Дверь с правой стороны распахнулась, и на асфальт соскочил человек в синем летном комбинезоне. Пригнувшись, он побежал к машинам, а старший лейтенант, выпятив челюсть, двинулся ему навстречу.

– Ты чего? – заорал полицейский. – Вы совсем охренели?

Летчик проигнорировал его слова, чуть ли не оттолкнул плечом и подошел к мужчине и женщине, которые стояли возле гражданских машин.

– Вы полковник Росляков? – пытаюсь перекрыть шум вертолетного двигателя, спросил летчик.

– Да! Вы откуда? – прикрывая лицо от поднятой винтами пыли, спросил Михаил Васильевич.

– Неважно! Ваше командование связалось с моим и попросило вас срочно доставить. Вы же звонили, что у вас тут ЧП.

Летчик многозначительно обвел взглядом место происшествия и махнул рукой, чтобы Росляков следовал за ним к вертолету.

Старший лейтенант с красным от бешенства лицом снова попытался привлечь внимание к своей персоне. Он чуть ли не рванул летчика за рукав.

– Ты чего творишь? Это что за бардак! Да я твоему начальству позвоню, ты соображаешь...

– Да пошел ты, придурок! – вдруг взбеленился летчик и ткнул пальцем в машину полицейских. – Иди к рации, там тебе сейчас пистон вставят! Возьми ключи от машины полковника и доставь ее, куда он скажет... Пока ты младшим лейтенантом не стал!

В этот момент второй полицейский – лейтенант, стоявший около машины с надписью ДПС, вдруг закричал и замахал рукой. В ней был зажат микрофон рации. Кажется, экипаж кто-то срочно вызывал. Летчик снова махнул Рослякову рукой в сторону вертолета.

– Ну, вот все и разрешилось! – прокричал Михаил Васильевич девушке на ухо и полез в карман за бумажником. – Извините, но мне нужно срочно улетать. Вот вам обещанные деньги на ремонт бампера. Извините, что бросаю вас тут, но эти парни теперь вас донимать не будут. Поезжайте!

– А вы что, правда полковник? – в ответ прокричала девушка, в свою очередь наклонившись к уху Рослякова.

– А что, не похож?

– Не знаю! А в каких войсках у нас такие важные полковники? Или вы из МЧС?

– Почти! – засмеялся Росляков. – Я тоже все время по чрезвычайным ситуациям работаю.

Через три минуты вертолет взмыл в небо. По крутизне виража и скорости вертушки Росляков понял, что ситуация сложная. Тем более что начальство пошло на фокусы с привлечением вертолета МЧС. Значит, он в самом деле срочно нужен, значит, произошло еще что-то.

* * *

Начальником Рослякова был генерал Мартынов. Собственно, начальником, как и генералом, он стал всего два месяца назад. Иван Сергеевич работал в том же ведомстве, что и Росляков, они даже дружили, иной раз вместе проводя время на отдыхе с семьями. Потом ранение. Мартынов потерял половину кисти левой руки и чуть не потерял всю руку. Врачам ее спасти удалось, но владеть он ею мог не в полной мере. А учитывая огромный опыт Мартынова, его оперативно-тактические способности, его и решили оставить в кадрах ведомства и сделали руководителем направления, в котором и работала группа Седого. Таков был оперативный псевдоним полковника Рослякова.

Мартынов в спортивном костюме и с полотенцем на шее шел рядом с Росляковым по коридору Тренировочного центра и рассказывал:

– Идея сама по себе не так уж и плоха, Миша, но исполнение... сам понимаешь.

– Да, – согласился Росляков, – идея шикарная. Собрать в Ватикане всех глав всех мировых религиозных конфессий и договориться о прекращении терроризма, экстремизма и вообще вооруженных конфликтов, включая и войны. Супер!

– Ты зря иронизируешь, – покачал головой Мартынов. – В мусульманском мире религиозные деятели имеют приличный вес. Они могут повлиять на политическую обстановку.

– Да нет, Иван, я не иронизирую по поводу самой идеи, – вздохнул Росляков. – Наверное, они могут что-то изменить. Но ведь, насколько я понимаю, во всех религиях мира, а уж тем более в таких близких, почти родственных религиях, как христианство и мусульманство, существуют практически одинаковые заповеди. И среди них такие замечательные, которые призывают не гневаться, не убивать и прощать врагов своих. И тем не менее нашлись идеологи, которые смогли поднять зеленое знамя и повести огромное количество людей на священную войну с неверными, то есть с нами. Что за подтасовка религиозных догматов? Нет, не все так просто.

– Думаешь, что их конференция ничего не даст?

– Думаю, что может что-то дать. По крайней мере, покажет позицию официальной церкви, подчеркнет, что мир и общество не с ними, а с паствой.

– Вон какие слова знаешь, – усмехнулся Мартынов.

– Надо знать. И я не в идею не верю, а в то, что священнослужители смогут ее реализовать. Тут иной опыт нужен, иные специалисты. И как мы вообще об этой тайной акции узнали? Неужели у наших спецслужб имеются шпионы в религиозных сферах?

– Узнали мы очень просто. Шпионов у нас, как ты выразился, в той среде нет, а вот свои люди имеются. Я бы назвал их доверенными лицами. Бывает иногда, что оперативники спецслужб уходят из этого кровавого мира к ним, в лоно церкви. У нас ведь нагрузка не столько на мышцы, сколько на душу, если ты нормальный человек.

– Кто-то из наших?

– Подполковник Василичев из внешней разведки. Теперь он уже настоятель монастыря на Смоленщине, отец Лонгин. И поведал он нам, с разрешения своего руководства, вещи неутешительные. Не только мы знаем о предстоящей конференции в Ватикане. О ней, естественно, узнали и международные экстремисты. И там начался процесс консолидации тех, кто не хочет мешать этому мероприятию, тех, кто с уважением относится к вере, и тех, кто готов использовать это в своих грязных целях. Например, совершить грандиозный теракт в Ватикане и разом покончить с миротворцами в рясах. И тогда им уже никто не будет мешать в их попытках создать мировое исламское государство, где христианство будет запрещено под страхом смертной казни, где все не принявшие ислам будут людьми второго сорта, где все женщины будут ходить с закрытыми лицами...

– И наступит конец просвещению.

– В конечном итоге – да.

– Значит, угроза серьезная, а задача будет поставлена так: предотвратить попытку совершения террористического акта в процессе проведения конференции глав мировых религиозных конфессий.

– Да, примерно так. И осложнена твоя задача, Миша, будет не только тем, что имеются серьезные разногласия в среде террористов. Нет согласия еще и в среде христианских лидеров. В ней раздоры, споры и взаимные упреки. Я бы сказал так, что и сама конференция под вопросом. Поэтому собирай своих парней и отправляйся в Рим. Задачу я тебе ставлю, увы, как в сказке. Поди туда – не знаю куда, найди того – не знаю кого, чтобы тот не сделал то – не знаю что. И все это в условиях: а правда ли собирается конференция, или это только слухи, или это

хорошо организованная дезинформация. Я привез тебе все необходимые материалы, включая фотографии и подборку по последним событиям в мире. Пошли в мой номер.

Тренировочный центр имел еще одно важное направление. Там оперативники спецслужб проходили не только подготовку или переподготовку. Здесь еще работало отделение реабилитации. И генерала Мартынова руководство почти принудительно отправило сюда для восстановления функций искаленной руки. Благо, частично руководить своим направлением можно и отсюда, учитывая возможности современных средств связи и коммуникаций.

* * *

Капитана Алексева Росляков нашел в спортзале. Приказав переодеться, Михаил Васильевич повел Максима в столовую, чтобы, не теряя времени даром, ввести его в курс дела и заодно пообедать. Максим с завидным аппетитом съел тарелку щей, порцию гречневой каши с мясом, бросил пару ложек сахара в стакан со сметаной, размешал и умял со сметаной сдобную булку. Росляков рассказывал, вяло ковыряя вилкой в тарелке, и с сожалением думал, что он сам уже теряет былую форму. Вот они, молодые, здоровенные. Крепкие нервы, здоровая психика, самодостаточность. Приказ? Есть приказ! На Северный полюс? Есть на Северный полюс! И ни сомнений, ни страха, ни сожалений. Нормальные парни, которые служат не за деньги, а за идею. Они осознают, что защищают Родину, цивилизованный мир. У них еще не накопилась психическая усталость от постоянного боя, постоянного насилия, смертей, от напряжения, постоянной опасности, риска собой, угрозы смерти, потери своих товарищей. М-да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.